АЛЬБЕР СОБУЛЬ, ИСТОРИК И ГРАЖДАНИН

К. Мазорик

Альбер Собуль, родившийся 27 апреля 1914 г. и окончивший дни свои 11 сентября 1982 г., оставил после себя неизгладимый след, о глубине которого, возможно, лучше всего свидетельствует тот факт, что Собуль, наряду с М. Блоком и Ф. Броделем, – один из немногих историков XX в., чье имя присвоено улицам и площадям (в Монпелье, Ниме, Виллар-де-Лансе и др). Его исторические труды и через двадцать лет после смерти автора остаются предметом обсуждения, нередко весьма острого, вызывая ученые споры, восхищение и обоснованное желание следовать его идеям. Его друзья и ученики из всех стран помнят этого смелого человека, твердость и четкость его политической позиции, неизменную широту его личности. Его оппоненты, из числа историков и не только их, часто критиковавшие его при жизни, не сложили оружия и после его смерти, хотя и действуют уже не столь откровенно.

Трудно, почти невозможно, отделить личность Собуля от его творчества, настолько тесно его жизненная позиция французского гражданина и революционного интеллектуала, участника баталий своего времени – этого «железного века» – была связана с его вкладом в историографию, основанном с самого начала на солидном фундаменте научного и академического образования, а затем – и на огромной исследовательской работе в архивах и библиотеках. Однако мне хотелось бы осветить скорее жизненный путь человека, чем карьеру ученого, поскольку этот путь, по моему мнению, был достаточно характерен для целого поколения французских историков, философов, естествоиспытателей, имевших аналогичное социальное происхождение. И если их жизнь была не такой же как у Собуля, то, по крайней мере, схожей с нею.

Детство

Еще не так давно бывший министр образования Франции Ж. Р. Шевенман считал возможным говорить о «республиканской элитарности» французской системы просвещения, поскольку школы, коллежи и университеты способствуют продвижению выходцев из широких слоев общества в высшие круги, во власть или другой реализации их особого предназначения.

Социологические работы П. Бурдье и его учеников показали необоснованность этих оптимистических надежд на преодоление в современном французском обществе непреложного закона родового воспроизводства, действующего во всех классовых обществах. С точки зрения этого закона, случай Альбера Собуля представляется исключением.

Отец Альбера, Люсьен Собуль, родившийся в Лионе 3 ноября 1881 г., был третьим из четырех детей Пьера-Мари Собуля, который в актах гражданского состояния обозначен как «тростильщик шелка». В действительности же, он перепробовал много профессий и к началу XX в. был хозяином ресторанчика в местечке Ларжантьер, департамент Ардеш. Люсьен, закончив образование и обучившись ремеслу, стал столяром и в 1907 г. обосновался там же. Однако, очевидно, устав от замкнутого и зависимого существования, он вскоре решил уехать в Алжир. Официальная пропаганда представляла Алжир страной Эльдорадо (каковой он отнюдь не был) с единственной целью: стимулировать его аграрную колонизацию французским населением, способным отодвинуть к югу полукочевые племена. В поселении французских колонистов Гийомэ (Геллев эль Уэд), департамент Мостаганем, Люсьен Собуль приобрел за 3,5 тыс. франков невозделанный земельный участок в 62 гектара и 30 аров. Своими руками, с помощью одного лишь феллаха, он обработал эту землю, построил дом из двух комнат с сараем и хлевом, после чего предпринял ряд сельскохозяйственных начинаний, которые, однако, из-за засухи потерпели крах. Он жил как довольно бедный крестьянин, чье имущество, по оценке 1915 г., составляло 14,5 тыс. франков. В 1910 г. Люсьен поехал в Ардеш, чтобы найти себе жену. Ею стала Мари Мейан (родилась 12 сентября 1889 г.), уроженка севеннского селения Сен-Андэоль де Бурлэн. От их союза в 1911 г. родилась дочь Жизель, которая на протяжении всей жизни Собуля была его любящей сестрой и самой верной спутницей, а в 1914 г. – и сам Альбер Собуль. Мобилизованный в армию, сержант роты зуавов 2-го сводного полка Люсьен Собуль 29 ноября 1914 погиб под Аррасом во время германского наступления на Па-де-Кале. Альберу тогда было шесть месяцев. Всю свою жизнь он испытывал чувство долга перед отцом, который своей смертью сделал его «pupille de la nation»[1], а затем – «стипендиатом республики», что позволило ему покинуть свой социальный слой и избежать судьбы «белого меньшинства» колоний.

Мать Собуля, не имея возможности обрабатывать землю, продала их маленький участок и обосновалась в городе Алжире, в квартале Белькур, прославленном А. Камю. Там она жила в среде смешанного европейского и средиземноморского населения, которое скорее игнорировало, чем пре-

[1] «Воспитанник нации» – ребенок погибшего на войне, имеющий право на государственные льготы. – *Прим. перев.*

зирало арабо-мусульманское меньшинство или даже просто отторгало его. В детстве Собуль узнал о расизме и о жестокости колониальных отношений и, как он говорил позже, мог бы стать, если бы там остался, настоящим хулиганом, но его мать, только что снова вышедшая замуж, угасала от туберкулеза. В июне 1922 г., через шесть месяцев после возвращения во Францию для лечения, она умерла. А Жизель и Альбер были «подобраны», по выражению самого Собуля, старшей сестрой их отца – Мари (1884 г.р.), которая взяла на себя заботы об их воспитании.

Интеллектуальное и нравственное образование

Мари Собуль была женщиной особенной. Блестящая ученица, она после получения свидетельства об окончании средней школы в Ларжантьере продолжила, по совету своих учителей, образование в Высшей педагогической школе в Прива, а потом – в Ниме. Получив за успехи в учебе стипендию, она в 1904 г. поступила в Высшую нормальную школу в Фонтене-о-Роз близ Парижа. Став затем преподавателем Нормальной школы, она защитила магистерский диплом в Ниме, где и жила до самой смерти в 1961 г. Эта женщина была также в интеллектуальном и нравственном смысле наследницей основных ценностей своей семьи. Собулей отличала приверженность республиканской традиции с радикальным уклоном. Кроме ярко выраженного чувства солидарности и верности семье, роду, они питали любовь к равенству и уважение к свободе, в первую очередь, для людей низших слоев, которым сохранить эту свободу было особенно трудно. Из светской, республиканской идеологии Мари Собуль взяла терпимость, прежде всего религиозную, веру в избавление от предрассудков через знания и науку, упорство в труде, который гарантирует независимость и тем самым освобождает человека, нравственный императив в духе кантианства, твердую политическую позицию в борьбе против предрассудков, угнетения, обскурантизма, эксплуатации. На этих же культурных ценностях она воспитывала Жизель и Альбера, ставших для нее, так долго жившей в одиночестве, ее детьми. Добавим, что всю свою жизнь Мари Собуль принимала деятельное участие в политике. Активист Сопротивления во время немецкой оккупации, член департаментского Комитета национального освобождения, она после войны была в 1947–1959 гг. муниципальным советником Нима, до конца жизни состояла в Коммунистической партии Франции (ФКП). Муниципалитет Нима после смерти Мари Собуль в знак уважения назвал ее именем школу на площади Революции.

В 1923 г. Альбер Собуль поступил в государственный лицей Нима и с того времени окунулся с головой в изучение гуманитарных дисциплин, которое в 1938 г. привело его к получению должности преподавателя истории. В своем университетском образовании Собуль прошел почти класси-

ческий путь: Нимский лицей Альфонса Додэ, подготовительный класс для бакалавров лицея Жоффра в Монпелье, высшие литературные классы лицея Людовика Великого в Париже, куда он был принят в октябре 1932 г., и, наконец, после того, как не попал в высшую Нормальную школу из-за неудачи на устном экзамене по философии, – Сорбонна, где он и завершил свое историческое образование. Это – прекрасный путь, по которому так же, как он, сумели пройти лишь немногие из его однокашников. На протяжении всей своей продолжительной учебы он постоянно выделялся как превосходный латинист и эллинист. Он не так хорошо владел современными иностранными языками, которые, впрочем, тогда плохо изучались во Франции, однако блестяще знал классические языки, чем нередко приводил в удивление слушателей, собиравшихся в 1970-е годы на его семинар в Сорбонне. В середине речи он мог легко процитировать на латыни десяток стихов Вергилия или Горация, либо даже такой отрывок как «Рассуждения о методе» или «Прозопопею Фабриция» из «Рассуждений о науках и искусствах» Руссо. Именно труды Руссо, а также Монтескье и особенно Маркса, оказали на Собуля наиболее глубокое влияние, что признавал он сам, а также отмечали те, кто как Ж. Р. Сюратто, учились с ним в лицее Людовика Великого.

Коммунизм Собуля

За годы учебы в Париже А. Собуль открыл для себя большую политику и очень скоро выступил против международного фашизма, который кое у кого во Франции вызывал симпатии, имевшие одновременно расистский, антиреволюционный и антирабочий оттенок. Довольно рано Собуль вступил в департаментский Союз студентов, созданный ФКП для объединения студентов «левых» взглядов. С тех пор его часто видели агитирующим за Народный фронт, протестующим против поддержки Гитлером и Муссолини переворота Франко, выступающим в рядах движения Амстердам–Плейель за мир, коллективную безопасность и союз с СССР. Весной 1939 г. он стал членом ФКП. По стечению обстоятельств, тогда же он получил от государства за свои успехи в университете одну из немногочисленных исследовательских стипендий. Исключительный случай для интеллектуалов его поколения: вступив в ФКП до войны, он остался ей верен, несмотря на все разочарования, расхождения во взглядах, кризисы и те ее дела, что оборачивались против нее самой. До конца жизни он никогда не упускал случая рассказать о глубоких истоках своих убеждений. Никогда не отступая от них, он оказывал глубокое влияние на своих учеников, включая и автора этих строк.

К началу второй мировой войны Собуль уже снискал себе известность среди молодых историков, тяготевших к ФКП. Незадолго до того он опуб-

ликовал под псевдонимом работу о политических идеях Сен-Жюста, выполненную под руководством Ф. Саньяка. Вместе с философами А. Мужэном, Ж. Полицером, А. Лефевром, Ж. Дэкуром и некоторыми другими он составлял памятную патриотическую и антифашистскую петицию в честь 150-летия Французской революции. Также он подготовил сборник текстов о Революции «1789, год свободы», который впоследствии неоднократно переиздавался. Под руководством Ж. Брюа он участвовал в создании Музея истории Монтрея – городка, где депутатом был Ж. Дюкло. В то же время, молодому преподавателю и исследователю приходилось думать о теме своей будущей диссертации. Довольно скоро, после встречи с М. Блоком, Собуль отказался от карьеры медиевиста, которую ему предлагали профессора Перруа и Альфан. А первого знакомства с Ж. Лефевром, профессором современной истории в Сорбонне, который после войны станет его научным руководителем, оказалось недостаточно, чтобы окончательно определиться с планами.

Вторая мировая война

Собуль впоследствии говорил, что еще с октября 1938 г., как и большинство здравомыслящих граждан, знал: война неизбежна. Пакт Молотова-Риббентропа его в политическом плане никоим образом не обеспокоил. В отличие от большинства французских коммунистов, таких, как журналист и писатель Поль Низан, он полагал, что сталинский Советский Союз должен себя обезопасить, поскольку западные демократии, начиная с Мюнхенского соглашения, постоянно ищут разного рода «компромиссы» с гитлеровцами и их союзниками. После возвращения из отпуска, который они с сестрой и зятем, Ж. Ш. Лалльманом, новоиспеченным скульптором с факультета изящных искусств, провели в Греции, посещая античные древности, Собуль был призван в действующий 113 артиллерийский полк. Хотя он числился коммунистом и «антимилитаристом» (а ФКП с началом войны была запрещена), его, тем не менее, отправили в Военную школу артиллерийских офицеров в Пуатье. Однако по окончании ему отказали в офицерском звании и отправили на фронт ездовым конной батареи. У него не было времени приступить к исполнению своих новых обязанностей. Едва прибыв в Манс, он вместе с батареей вынужден был отступать под немецкими бомбежками, сначала до Бордо, а затем по железной дороге в По. Там, после заключения перемирия, он сдал свое орудие с зарядным ящиком и лошадьми властям на неоккупированной территории и, демобилизовавшись, вернулся в Ним. С 1 сентября 1940 г. он получил должность учителя истории и географии в государственном лицее для мальчиков в Монпелье.

Сохраняя образ историка Собуля 70-х годов, игравшего ведущую роль в международной историографии Французской революции, мы часто забываем о том, каким человеком он был ранее. Знаем ли мы, например, что с осени 1940 г. он, руководствуясь не благоразумием, а отвагой, находился в Лангедоке на передней линии сопротивления той двойной напасти, которую поражение, а после – перемирие, навлекли на его страну – оккупацию более половины национальной территории и приход к власти крайне правого правительства Виши, сотрудничавшего с нацистами? Став учителем в Монпелье, Собуль поселился с друзьями в большом и красивом доме в окрестностях города. Это была настоящая община с совместным выполнением домашних обязанностей и общими средствами. Однако каждый в ней занимался своим делом, что позволило молодому интеллектуалу проявить свой талант как в преподавании, так и на общественном поприще. Именно тогда он встретил ту, которая после войны стала его женой и матерью его дочери Люси. Ирэн Фридман, родившаяся в 1919 г. в Кампине (Румыния), в буржуазной семье еврея-ученого, еще до 1939 г. приехала во Францию, чтобы продолжить изучение медицины, поскольку в Бухаресте ей это было запрещено сегрегационными законами Й. Антонеску. Возобновив осенью 1940 г. связь с коммунистами и другими «патриотами», такими, например, как М. Герр, сын бывшего директора библиотеки Высшей нормальной школы Парижа, Собуль, несмотря на постоянный надзор вишистской полиции, уже весной 1941 г. стал одним из создателей Национального фронта студентов Юга. В этом качестве он участвовал в организации антивишистской и антигерманской демонстрации 14 июля 1942 г. в Монпелье. Вскоре его арестовали. Своим освобождением он был обязан лишь неожиданной снисходительности комиссара полиции, который скорее по-отечески, нежели как представитель власти, пожурил его за безответственность. Администрация национального образования поступила более сурово: по распоряжению министра, известного историка Римской республики, верного приверженца Петэна, Ж. Каркопино, Собуля 21 августа 1942 г. освободили от должности преподавателя без компенсации. В то же время, из-за ареста и последующего освобождения все его связи с друзьями, политические и личные, оказались порваны. Собуль остался в полном одиночестве. Пришлось уехать к тете Мари в Ним. И лишь весной 1943 г. при поддержке одного из своих бывших однокашников по Сорбонне он получил место учителя латинского и греческого языков в частной религиозной школе Ле Клоше в Вийар-де-Лан (департамент Изер). Осенью того же года благодаря своему бывшему однокашнику Ж. А. Ривьеру, с которым он поддерживал отношения и который, симпатизируя маршалу Петэну, не утратил ни республиканских чувств, ни личного мужества, Собуль устроился на работу исследователем-этнографом в парижский Музей народных искусств и традиций. Замечу, что после Освобождения Собуль, как и Ш. Па-

рэн, свидетельствовал в пользу Ривьера и помог избежать грозившего тому лишения гражданских прав. От его работы в Музее остался замечательный документ, опубликованный в 1955 г. и переизданный в 1994 г. под названием «Французский деревенский дом». Это – отчет об исследовании выбранных участков с набросками и планами, составленный Собулем для Музея в начале 1944 г. Благодаря своим новым обязанностям, Альбер Собуль мог путешествовать и устанавливать контакты с участниками Сопротивления, особенно при посредничестве Парэна. Таким образом, он встретил Освобождение в августе 1944 г., уже имея средства к существованию и работу, которых его лишило коллаборационистское государство.

Преподаватель и историк-исследователь

В систему национального образования Альбер Собуль вернулся с помощью Р. Капитана, министра правительства де Голля и известного деятеля Освобождения. Он отказался от политической и административной карьеры, похоже, предлагавшейся ему и новыми властями в лице Ж. Бунэна, комиссара Республики в Лангедоке, и Коммунистической партией, которую за ее вклад в Сопротивление генерал де Голль привлек к управлению страной. Собуль вернулся на свое место учителя в Монпелье. Попросив перевод в Париж, чтобы быть ближе к Национальному архиву и Ж. Лефевру, звавшего его к себе в Сорбонну, он с 1 октября 1945 г. получил назначение в лицей Марслен Бертело де Сен-Мор в пригороде столицы. С 1 октября 1946 по 30 сентября 1948 г., взяв за свой счет отпуск для исследований, Собуль занимался архивным изысканиям, необходимыми для подготовки диссертации о парижских санкюлотах. Он был также привлечен Лефевром, Лабруссом и Буржэном к участию в Комитете по подготовке празднования юбилея Революций 1848 года. С 1 октября 1948 г. он в течение двух лет преподавал в лицее Генриха IV в Париже, после чего был принят в Национальный центр научных исследований (CNRS), где продолжил работу над диссертации. Получив в 1953 г. ученую степень с высшей оценкой «très honorable» («весьма достойно»), он одновременно вел спецкурс в Сорбонне и учил 4-6 курсы в «своем» лицее Генриха IV, где я, ученик высшего подготовительного класса, и встретился с ним по совету моего учителя истории М. Фурньоля. Собуль получил известность в этом учреждении, не пустив в класс генерального инспектора А. Тру, которого, по словам Собуля, «назначила власть, лишившая его самого должности в 1942 г.!».

1946–1960 гг. оказались в жизни Альбера Собуля особенно плодотворными. Став парижанином, каковым оставался до кончиков ногтей, он поселился сначала на улице Жергови около вокзала Монпарнасс в маленькой квартире, а затем приобрел более просторную и удобную на улице Нотр-

Дам-де-Шан, где в основном и жил до самой смерти. Столицу он покидал лишь изредка, ради профессиональных командировок или длительных поездок в Ним. Там они с сестрой унаследовали от тети Мари красивый дом с садиком. Перебравшись в Париж, Собуль женился на Ирэн Фридман, с которой жил в гражданском браке после прекращения своей подпольной деятельности и которая уже закончила изучение медицины и психиатрии, прерванное войной. 5 июня 1946 г. у них родилась дочь Люси.

Окружавшие Собуля друзья, родственники, коллеги и политические единомышленники составляли три круга его общения. Во-первых, – круг историков Французской революции, в центре которого находился Ж. Лефевр, выдающийся исследователь, достигший тогда апогея своей долгой карьеры. Огромную известность ему принесли, в первую очередь, глубина знаний и творческая мощь, но также – и слава «участника сопротивления до Сопротивления». Его книга «Восемьдесят девятый» вышла в 1939 г. и имела честь быть запрещенной оккупантами. Его брат, профессор географии в университете Пуатье, был приговорен к смерти и обезглавлен за участие в движении Сопротивления. Решительно взявшись за руководство кафедрой истории Французской революции в Сорбонне, Обществом робеспьеристских исследований и журналом *Annales historique de la Révolution française* (AHRF), который опять начал издаваться, Ж. Лефевр изгнал бывших сторонников сотрудничества с нацистами. Одновременно он окружил себя более или менее молодыми историками такими, как М. Булуазо, бывший ученик Матьеза, М. Эд, Р. Порталь, изучавший новую историю России, Л. Жакоб, Р. Лоран (его собственный племянник), Р. Довернь, П. Лойо и другие. Среди новичков было несколько замечательных историков, только что получивших должности, – Ж. Попрэн, Ж. Дотри, Сюратто и Собуль, ставший его наиболее близким учеником. Также Лефевр установил полезные контакты с Э. Лабруссом, П. Виларом, Л. Февром, которого он знал еще с 30-х годов – времени основания «Анналов», когда часто встречался с ним и М. Блоком в Страсбургском университете, а через него – и с Ф. Броделем, хотя отношения с тем остались достаточно прохладными. Вокруг этого французского ядра периодически собирались интересные иностранные исследователи, такие, как итальянцы Ф. Вентури, историк русского народничества, А. Галанте-Гарроне из Турина, А. Саитта, закончивший Высшую нормальную школу в Пизе и преподававший там до перехода в Римский университет Ла Сапиенца, где он основал Институт истории государства нового и новейшего времени; американец Л. Готтшалк; немец (родом из Словении) В. Марков, который, выйдя из нацистского лагеря, куда был заключен в 1934 г., и проведя несколько лет в Кельне, перебрался в ГДР в Лейпцигский университет; венгр К. Бенда; британский историк-коммунист норвежского происхождения Ж. Рюде, сделавший позже блестящую карьеру в Австралии и Канаде; Р. Кобб,

демобилизовавшийся из британской армии, где был военным корреспондентом, и живший все эти годы во Франции на маленькую семейную ренту… Вскоре внутри этой группы выделился по своей интеллектуальной активности и общительности «триумвират» – Кобб, Рюде и Собуль. К «трем мушкетерам», как, говорят, называл их Лефевр, довольно быстро присоединились Сюратто и норвежец К. Теннессон, принятый как иностранный слушатель в Высшую нормальную школу на улице Ульм. Их ежедневно можно было встретить в Национальном архиве, отделе рукописей Национальной библиотеки и в Исторической библиотеке города Парижа, где они изучали фонды, относящиеся к темам революционной толпы (Рюде), революционных армий (Кобб), парижских санкюлотов (Собуль и Теннессон).

Помимо этого круга общения существовал и круг историков-коммунистов, где Собуль встречался с Ж. Брюа и Э. Терсеном, задававшими уровень для поколения молодых, среди которых первые роли, по крайней мере до 1956 г., играли блестящие Э. Леруа-Ладюри (его Собуль близко знал как зятя одного из своих товарищей-коммунистов в Монпелье), М. Агюлон (с ним его связывало общее происхождение – Севенны и Виварэ), Ж. Дотри, Ф. Фюре и Д. Рише (благодаря им французские историки-коммунисты в 1955 г. к великому несчастью догматиков открыли для себя философское наследие Грамши), К. Виллар и Ж. Виллар, М. Ребериу (с ней Собуль подготовил прекрасное переиздание «Социалистической истории Французской революции» Жореса), Ж. Массэн, бывший католический священник, имевший вес во влиятельном Французском клубе книги. Не забудем и о специалистах по этно-истории, которым Собуль одним из первых воздал должное, – Ш. Парэне, Ж. Брюнэ-Деламаре и многих других. К ним также добавим германиста Ж. Бадиа, специалиста по Азии и Вьетнаму Ж. Шено и приехавшего из Лиона Ж. Бувье, который существенно способствовал обновлению исследований по экономической и финансовой истории Франции. Собуль уделял много внимания деятельности ФКП, особенно, в сфере науки и интеллектуальной жизни. Он полемизировал с Л. Казановой, а затем и с Ж. Коньо, прежде всего, в редакционном совете журнала *La Pensée*, членом которого состоял. Поддерживая французских биологов, не принимавших «лысенковщину», таких, как М. Пренан, он открыто отвергал идею «пролетарской науки», отдавая предпочтение концепции познания, по сути, отмеченной «позитивизмом». Однако в тех обстоятельствах подобная позиция означала защиту рационализма и свободы суждений. Хотя Собуль и занимался многими делами, он не участвовал в создании журнала *La Nouvelle critique* Ж. Канапы – издания вначале вполне «ждановского», но после 1964 г и, особенно, после 1971 г. эволюционировавшего в сторону более многогранного и более открытого марксизма. Собуль этому изданию никогда не мешал, но сотрудничал с ним очень мало, и то

лишь когда главными редакторами журнала были его друзья А. Казанова, а затем – Ф. Энкер. Тем не менее, он не отделял себя от ФКП. Он часто общался с ее известными руководителями: Э. Фажоном, Ж. Дюкло, М. Торезом и с выдающимися учеными-коммунистами: Ф. Жолио-Кюри, Ф. Журдэном, Р. Мобланом, А. Лефевром, Т. Царой, М. Корню и др. Он глубоко переживал раскол в партии, происшедший в конце 1956 г., из-за подавления советскими войсками восстания в Венгрии; отказ от коммунистического идеала многих интеллектуалов, которыми Собуль ранее восхищался, таких, например, как философ В. Ледюк, его знакомый еще с довоенных времен; выход из ФКП многих историков, в том числе Ф. Фюре, чью дружбу и, особенно, талант и склонность к теоретическим обобщениям Собуль высоко ценил. Однако сам он не покинул ФКП. Позже, вместе с философами Г. Бессом и Л. Севом, антропологом М. Годелье, историком П. Виларом и другими известными людьми, он активно участвовал в создании Центра марксистских исследований. Собуль придавал огромное значение публикации сборников текстов и исследований, подготовленных этим Центром в 1960–1974 гг., и прилагал немало усилий для повышения их качества. Вместе со своим другом Р. Десне, коммунистом и масоном, историком французской литературы XVIII в. и постоянным вдохновителем журнала Французского общества по изучению XVIII в., Собуль опубликовал «Сочинения кюре Мелье». В 1978 г. он поддержал выпуск «Современной истории Франции», вышедшей под редакцией Ж. Элленстайна в издательстве ФКП, и написал к ней предисловие. Шесть томов разошлись тиражом более чем в 70 тыс. экземпляров.

И, наконец, последний круг общения, в котором вращался Собуль, было собственно профессиональное сообщество историков в целом. В Комитете по подготовке празднования столетнего юбилея Революций 1848 г., на воскресных собраниях Общества новой и новейшей истории, на ежегодных конгрессах Научных обществ, где он иногда бывал, в «Комиссии Жореса», восстановленной после войны, где он заседал по просьбе Лефевра, Лабрусса и председательствовавшего там Ж. Кэна, он встречался с историками самых разных направлений и интересов. Среди тех, чьи имена приходят мне на память, назову, прежде всего, его верного друга Р. Мандру, а также – историка парижских рабочих Второй Республики Р. Госсе, А. Дюбьефа, преподавателя лицея Генриха IV, ставшего затем Генеральным инспектором национального образования, и его супругу, работавшую в Национальной библиотеке, П. Губера, с кем он позже входил в национальную аттестационную комиссию, Ж. Мевре, специалиста по истории демографических кризисов и производства продовольствия при Людовике XIV, Ж. Дроза, изучавшего Германию века Просвещения; учеников Лабруса: Ж. Дюро и Ж. Мэтрона, историка анархизма и главного инициатора известного «Биографического словаря французского рабочего движе-

ния». Упомяну также английских историков, чье творчество он приветствовал – К. Хилла и того же Кобба. Большой знаток социологии, внимательно изучавший Э. Дюркгейма, и даже этнологии, посвятивший немало времени чтению М. Мосса, он поддерживал тесные отношения с Ж. Гурвичем и, особенно, с Ж. Дювиньо, чья работа его вдохновила на собственное исследование феномена санкюлотизма, который он считал категорией исторической социологии. Тех же, кто считал Собуля «фанатиком-одиночкой», не могла не удивить его дружба с историками «правого центра», такими, как М. Рейнар, учившийся курсом старше его в Сорбонне, или с такими «правыми», как Р. Мунье, В. Л. Тапье, Ж. Тюлар, А. Корвизье или А. Пуатрино.

В появившихся после смерти Собуля воспоминаниях, на удивление полных сарказма, как, впрочем, и юмора, Кобб, который раньше был его другом, но отдалился после 1974 г. (тогда он еще принял участие в праздновании 60-летия Собуля, организованного друзьями и учениками последнего в Институте Французской революции), совершенно карикатурным образом изобразил систему его личных отношений, которую представил как некий механизм манипулирования, поставленный на службу «коммунистическим убеждениям» и даже партийному аппарату (!); как своего рода застольное «братство» абсолютных единомышленников, вдохновлявшееся преувеличенно восторженными воспоминаниями об убогой санкюлотерии (sanculotterie de pacotille) и позволявшее его другу Собулю удовлетворять свое *ego* и нарциссизм, а также являвшееся предприятием по вербовке сторонников, невольным агентом коего оказался и сам Кобб… Однако написавший это – тот, кто в течении многих лет неделями жил почти как полупансионер на улице Нотр-дам-де-Шан, пока не вернулся в Англию, где получил известность как историк Франции – притворяется, будто не знает о том, сколь глубокими и сложными были отношения Собуля с этой частью парижской интеллигенции, которая, теперь, конечно, уменьшилась, но еще сохранила свою значимость. В те годы она все еще имела заметное влияние благодаря результатам Второй мировой войны, хотя происходившие во французском обществе перемены уже и ставили перед ней новые проблемы, которые Собуль хотел бы решать, не отказываясь ни от чего из достигнутого ранее, и не отходя от дорогих как ей, так и ему самому общих идеалов.

Университетская карьера

Уже снискав известность своими трудами – «Очерком истории Французской революции», вышедшем в 1948, а потом в 1951 г. (для справочного издания 1962 г. эта работа была переписана), публикацией «Речей и докладов Сен-Жюста» (1957), блестящими статьями в *AHRF* и в *La Pensée*, – Собуль 29 ноября 1958 г защитил докторскую диссертацию, уже к тому

времени изданную под заголовком «Парижские санкюлоты II года. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 г. – 9 термидора II года», перед восхищенным жюри и публикой, потрясенной его свободным владением материалом и уровнем работы. Получив только положительные отклики в научных изданиях и даже в периодике, предназначенной для широкой публики, эта диссертация была снова опубликована в 1962 г., затем, в 1968 г., с сокращениями переиздана в более доступном для студентов «карманном» формате, переведена во многих странах. Эта работа внесла важный вклад в расширение сферы политической истории и включению в нее социальной истории борьбы за власть, подобно тому, как это ранее делалось в трудах Ж. Лефевра о крестьянстве и А. Матьеза о городском плебсе, но только теперь с большей широтой взгляда и с солидным научным аппаратом.

Нежелание Собуля выйти из ФКП и перейти на антисоветские позиции[2] имел для его карьеры серьезные последствия. Поскольку волна антикоммунизма, захлестнувшая в 1956–1958 гг. французское общество из-за неосталинистских репрессий в Европе, а также из-за поддержки Советским Союзом антиколониального движения в Африке (включая Алжир), Азии и Латинской Америке, все не ослабевала, это привело к задержке получения Собулем должности профессора университета, на которую, как он полагал, диссертация давала ему право. Он очень тяжело переживал эту чисто французскую несправедливость, жертвой которой стал далеко не он один! И только благодаря негласной и бескорыстной поддержке Ж. Дроза, декана факультета филологии и гуманитарных наук университета Клермон-Феррана, Собуль смог преодолеть этот временный остракизм. С октября 1960 по октябрь 1967 гг., по-прежнему живя в Париже, он с непреходящим энтузиазмом преподавал в Клермон-Ферране историю нового времени и Французской революции, собрав вокруг себя группу талантливых студентов (Д. Мартэн, Ф. Бурден, М. Нодэн, Э. Лирис, Ж.-П. Фанжэ и др.); организовывал коллоквиумы (о Паскале, Ромме, о жертвах прериаля); устраивал многочисленные лекции, встречи и публикации. В 1966 г. профессор Сорбонны М. Рейнар собрался уйти на пенсию. Он считал, что его преемниками мог бы стать один из двух кандидатов: профессор из Тулузы Ж. Годшо или А. Собуль. Первый имел больший научный стаж, но не хотел покидать город и университет, в котором осуществил глобальную реконструкцию. Собуль практически без возражений был избран на кафедру, которую после Олара и Матьеза занимали также его учителя – Саньяк и Лефевр. С октября 1967 г. начался пятнадцатилетний период определяющего влияния Собуля на историографию Французской

[2] «Никогда не забывай, – говорил он мне еще в 1979 г., когда Политбюро ЦК КПСС бездумно втянуло Советский Союз в афганскую войну, – никогда не забывай о блокаде Ленинграда и о Сталинградской битве!»

революции, которое он оказывал, занимая, во все более и более осложнявшихся условиях, стратегическую позицию руководителя Института истории Французской революции, ставшего при нем крупным центром исторической мысли и научных исследований.

Характер Собуля

У тех, кто встречался с Альбером Собулем в годы его наибольшей общественной активности, личные качества вызывали весьма противоречивые суждения. Страстный, щедрый, относившийся по-братски к своим коллегам, особенно к тем из них, кто испытывал трудности социального, материального или психологического порядка, он мог оказаться беспричинно мстительным и даже несправедливым по отношению к другим, и они ничего не могли поделать. Из-за этого ему в ответ также наносились обиды, в коих полностью или в основном был виноват он сам. Так произошло с М. Вовелем, который в 1965–1980 гг. держался от него в стороне, после того как их близкая дружба, продолжавшаяся не один год, была погублена злыми словами, сказанными Собулем в трудный для Вовеля момент. Быстро впадая в гнев и также быстро успокаиваясь, он мог поддаться эмоциям и разрыдаться, но уже спустя мгновение обдать ледяным холодом. Ипохондрия Собуля была всем известна. Те, кто его любил, не придавали ей значения и умели реагировать спокойно, как это не раз приходилось делать мне. Других же она отталкивала, из-за чего он сильно переживал. В основе его разрыва с Ф. Фюре лежало, прежде всего, недопонимание. Недостаточно осознавая преимущества, открывавшиеся в новых условиях для профессионального роста исследователей и найма их на работу[3], Собуль был раздражен, о чем заявлял публично, быстрым карьерным продвижением Фюре, которому, по его мнению, способствовал Ф. Бродель, тогда как историкам его (Собуля) поколения, не менее блестящим и заслуженным, требовалось это «доказывать» (faire «leurs preuves») – sic!, подолгу работая в средней школе и одновременно готовя диссертацию. Чаша его терпения оказалась переполнена, когда Ф. Фюре и Д. Рише опубликовали в 1965–1966 гг. роскошную «Историю Революции» в двух томах – работу, конечно, неплохо написанную, но, по его мнению, сделанную в спешке и скорее продиктованную идеологическими и коммерческими соображениями, нежели «основанную на эрудиции» (sic). Ж. Брюа и Ж. Дотри привлекли его внимание к неточностям в этом труде,

[3] Введенная тогда Ф. Броделем в Шестой секции Практической школы высших исследований новая организация научного и учебного процесса существенно отличалась от традиционной университетской. См. выше статью В. П. Смирнова о Ф. Броделе. – *Прим. перев.*

и все они вместе с Э. Терсеном и другими историками-марксистами решили посвятить данному исследованию семинар. Мне, еще начинающему историку, они поручили сделать критический доклад с подробным и аргументированным разбором книги Фюре и Рише, чтению которой я посвятил несколько недель. Я сделал этот доклад как введение в дискуссию, собравшую в декабре 1966 – январе 1967 гг. множество народа в зале парижского Дома ученых обществ. С согласия Годшо и Рейнара мой вступительный доклад под заголовком «Новая концепция Французской революции» был опубликован в разделе хроники № 189 *AHRF* (№ 3 за 1967 г.) со всеми известными последствиями. Там я показал, что вся эта новизна, напротив, полностью вписывается в традиционный антиреволюционный и антиякобинский дискурс. После 1968 г. Собуль, осмелюсь так выразиться, усугубил ситуацию, написав предисловие к вышедшей в 1970 г. моей книге «О Французской революции…», которая содержала положения, открыто провозглашенные в указанной хронике. Поддержанные всем научным сообществом Шестой секции Практической школы высших исследований, Рише и Фюре обрушились на Собуля с многочисленными клеветническими обвинениями и нападками. Для этого они, к примеру, использовали ряд неточностей, допущенных Собулем в одной из его книг, замечательной по своей оригинальности, но без достаточной проверки воспроизводившей содержание курса лекций, прочитанного им аспирантам в Клермон-Ферране, а после в Сорбонне! Между тем, всем было понятно, как точно подметила Р. Робэн, что за этой ссорой с ее малоприятными сторонами просматривается посягательство на основы лево-республиканской историографии, связанной с именами Жореса, Матьеза и Лефевра, в которой именно Собуль – а не «молодой» Мазорик того времени – олицетворял собой живую традицию. Это намерение со всей очевидностью подтвердила полемическая статья Фюре «Революционный катехизис» (1972), вошедшая позднее в книгу «Постижение Французской революции» (1978), которая стала настольной для сторонников того направления, которое Собуль так неудачно, на мой взгляд, назвал «ревизионистской историографией» и которое лично я бы определил как «неолиберальную» или «либерально-консервативную историографию».

Щедрость Альбера Собуля вошла в легенду! Никто не смог бы перечислить всех коллег, исследователей разного возраста, французов и иностранцев, кому в Париже или Ниме он предоставлял свой стол и дом. Он расходовал деньги без счета, порою даже с риском нанести ущерб собственной семье, помогая обращавшимся к нему. Доходило до того, что он даже организовывал своим, прибывшим издалека гостям настоящие туристические поездки, для чего приводил в действие всю сеть своих знакомств. Именно так он поступил по отношению к Б. Поршневу, А. Адо, Н. Застенкера, А. Манфреду и В. Смирнову, когда они приезжали во Францию. У него

было обостренное чувство того, что он считал своим «долгом». В 1974 и 1975 гг. в Париже проходили две важные международные конференции по истории Французской революции. Не сумев добиться той суммы бюджетных ассигнований, на которую рассчитывал, он взял на себя – за счет своих собственных, подчеркиваю, средств преподавателя и автора – обещанное возмещение расходов участникам, которые, не зная об этом, возвращались домой, убежденные в великой и безмерной щедрости французских научных учреждений!

Этот носитель Средиземноморской культуры любил женщин и уважал их свободу. Он не мог представить свою жизнь без вдохновлявшего и поддерживавшего его присутствия женщин – супруги, дочери, сестры, подруги, коллег. Его «большой семинар», постоянно или время от времени, посещало по субботам в Сорбонне, возможно, самое большое число исследовательниц истории, какое только видел Париж в те годы! По сохранившимся спискам присутствующих, не претендуя на исчерпывающий перечень (да простят меня те, кого нечаянно пропущу) упомяну Р. Моннье, Ф. Брюнель, А. М. Рао, Ф. Готье, Р. Робэн, Э. Следзиевски, А. Жеффруа, Д. Мальдидье, Э. Лирис, М. Браконье, М. Рево д'Аллоннэ, А. М. Бурсье, М. К. Лаваль, С. Петерсен, И. Хартиг, Ф. Фортюне, А. М. Дюпор, А. Группи, М. Донзелли, А. Крепэн, М. Фожэль, Р. Поддзи, Э. Фокс-Жановез, М. А. Нлиба-Нгимбоуз, М. Бондуа-Моррис, К. Воликов, К. Дюпра, А. Дюпра, К. Бежэн, кто в той или иной мере был обязан ему своим научным успехом или положением. Свободный в личной жизни, Собуль никогда не подчинялся ханжеству «буржуазных отношений в семье» (sic), распространенного взгляда на которые он не придерживался. Это нередко осложняло ему жизнь и вызывало конфликты в отношениях с женщинами, но объясняет, почему он совершал многие поездки по Франции или за рубеж – в Москву, Пекин, Америку, Венгрию, Италию – в сопровождении своей подруги Мари-Элен Балазюк. Будучи сама профессором и талантливым исследователем истории искусства, она никоим образом не была тенью великого коллеги, и в сентябре 1982 г. участвовала в его похоронах как близкий ему человек. Собуль уважал свободу своих близких, умел и утешить в беде теплым словом, и разделить радость, пусть даже мимолетную. Чувствительный и «погруженный в себя», как говорили когда-то, Собуль близко к сердцу принимал несчастья как отдельных людей, так и целых народов. Вместе с Ж.-П. Сартром, который незадолго до своей смерти выступил на памятном заседании перед слушателями его семинара, он входил в «Международный трибунал Бертрана Рассела», обличавший перед лицом общественности империалистские преступления во Вьетнаме, Латинской Америке, апартеид в Южной Африке. Он, не жалея сил и часто небезуспешно, искал места в университетах и работу для чилийцев, изгнанных с родины после государственного переворота Пиночета; принимал обращавшихся к нему «дис-

сидентов» из стран Восточной Европы и поддерживал их демарши, мобилизуя для этого все свои связи, как во Франции, так и в их странах, что было, конечно, намного труднее, чем, если бы речь шла о Париже или Нью-Йорке! Такую же солидарность он проявлял по отношению к молодым ученым из бывших французских колоний и приветствовал проведение исследований о колониальном рабстве…

После его смерти возникал вопрос о «сталинизме» Собуля. Нет! Собуль не был «сталинистом», хотя до своего последнего вздоха и поддерживал ФКП, которая долгое время была сталинской, порожденной Третьим Интернационалом. Правда, его приводили в ярость (но не в отчаяние) те робость, медлительность, неэффективность и колебания, с которыми партия, начиная с 1963 и особенно после 1971 г., пыталась изменить свою первоначальную форму. Но это не сделало его сталинистом. Собуль имел глубоко уважавших его верных друзей среди представителей всех политических направлений, таких, например, как Д. Лигу, историк и обладатель высокой масонской степени, аббат Б. Плонжерон, профессор Католического института в Париже, исследователь биографии аббата Грегуара и истории церкви периода Революции, покойный М. Перонне, работавший у Р. Мунье. Можно ли считать «сталинистом» того, у кого одним из близких друзей был В. Дедийер, сербский сподвижник и историограф хорвата Тито? Того, кто помогал В. Маркову, исключенному в 1950 г. из СЕПГ за «приверженность идеям Тито», восстановить свой прежний статус в Университете Карла Маркса в Лейпциге? Того, кто принимал у себя дома стольких румынских ученых-эмигрантов, с которыми познакомился через свою супругу, уроженку этой страны? Того, кто никогда не отказывался, как и его *alter ego* Сюратто, поддерживать искреннюю дружбу с троцкистами разных направлений, будучи с некоторыми из них знаком еще с довоенных времен? Того, кто позволил М. Домманже, хорошему историку и уважаемому эрудиту, участнику довоенной «рабочей оппозиции», восстановить членство в Обществе робеспьеристских исследований, несмотря на странное умалчивание претендента о периоде Оккупации? Восхищаясь творчеством Л. Альтюссера, с кем он был знаком лично, Собуль, тем не менее, содействовал принятию Р. Гароди, который ему не очень нравился, на факультет в Клермон-Ферране, вступив из-за этого в спор с М. Фуко, который там преподавал и коего он считал своим другом и умным человеком. Многие видели в этом парадокс, но большинство людей ему прощали все за его открытость и честность. Никогда Собуль не отказывался активно сотрудничать с бывшими коммунистами, исключенными или вышедшими из партии по политическим мотивам. Так, он очень тесно общался со своим сокурсником по лицею Людовика Великого Ж.-П. Вернаном, известным эллинистом, профессором Коллеж де Франс, с которым случайно встретился в Тулузе в конце 1943 г., где тот руководил вооруженным со-

противлением. То же касается и В. Ледюка, друга его юности, которого он энергично поддерживал, когда тот стал организатором Рационалистического союза. Собуль умел выслушать каждого, не навязывая своего мнения. Это совсем не черта «сталиниста», или же данное слово не имеет никакого концептуального смысла и является лишь орудием расправы. Кроме того, если бы речь шла о «сталинисте», то разве Ф. Миттеран, став в 1981 г. Президентом Французской республики, пригласил бы его возглавить Национальный архив? Собуль, движимый чувством ответственности, сам отказался от этого предложения, поскольку уже не ощущал в себе сил, чтобы занимать столь важный пост.

С самого начала Альбер Собуль участвовал в движении мая 1968 г. в Сорбонне. Он, по сути, находился в своей стихии, среди «борьбы» и собраний, вместе с Брюа, Ж.-П. Берто, М. Ребериу и другими. Он, таким образом, внес свой вклад в разрушение ценностей и официальных институтов университетской системы, которое имело место весной 1968 г. и в последующие месяцы, став отголоском большого социального движения, охватившего Францию. Но очень скоро, с 1969 г. Собуль отмежевался от «перегибов», а после и стал бороться с ними, полагая, что они способны поставить под сомнение и даже погубить научную требовательность, процедуру ведения дискуссии и традиционные формы научного знания, сохранение которых он считал необходимым для победы современного разума над порабощающими предрассудками и правой идеологией. Эта позиция, разделявшаяся такими людьми, как П. Вилар, Ж. Дроз, Ж.-Б. Дюрозель, навлекла на него некоторые дополнительные нападки, но одновременно вызвала и одобрение многих его коллег и студентов-историков, желавших развить то позитивное, что было достигнуто в 1968 г., не дав ему раствориться в разрушительной энтропии интеллектуального нигилизма. Именно в этих условиях Собуль вместе с молодыми преподавателями, своими коллегами по Сорбонне – Ж.-П. Берто, Ф. Энкером, Ф. Гю и другими вскоре к ним присоединившимися – создали в 1970 г. «большой семинар по истории Французской революции», собиравшийся вначале в разных местах, а затем, вопреки всем правилам и без какого-либо письменного разрешения, обосновавшийся в знаменитой библиотеке Лависса в Сорбонне, где он проходил по субботам с 14 до 18 часов. До 1982 г. этот семинар был главным центром обсуждения ключевых проблем изучения истории и историографии Революции.

Влияние Собуля

Влияние, которое Альбер Собуль оказывал на историографию Французской революции как до 1982 г., так и после – на протяжении всех 80-х годов, не может не удивлять. И те, кто ощущал международную идеологиче-

скую конъюнктуру, отмеченную после 1968 г. возвратом неолиберальных экономический идей, всемирным наступлением «новых правых», безжалостной критикой сенсуализма самопровозглашенными «новыми философами», а в политическом плане – сплочением капиталистических держав под эгидой США в так называемый «треугольник»[5], действительно, удивлялись тому, что во Франции упорно продолжали изучать Французскую революцию. Что это, «французское исключение»? А ведь оно казалось обреченным после двойной критики, прозвучавшей со стороны Коббена и Фюре, которые обвинили схему Лефевра-Собуля в архаичности и в идеологизированности. Чтобы понять такое положение дел, необходимо начать с рассмотрения трех столпов, составлявших материальную и человеческую основу подобного влияния Собуля.

Прежде всего, вспомним о непрерывной и активной работе знаменитого субботнего семинара, на который собирался постоянно обновлявшийся, но неизменно широкий круг историков-исследователей, молодых и не очень, преданных, талантливых, усердных, увлеченных и работящих. Вокруг ядра основателей семинара, куда входили сам Собуль, Сюратто[6]; преподаватели университета Париж-1, объединенные под сенью Института истории Французской революции (Берто, Брюнель, Дюкудрэ, Энкер), к коим иногда присоединялись Гю и К. Дюпра[7]; а позднее – историк права М. Пертюэ, собирался также постоянный круг бывших учеников Собуля, приезжавших из провинции для проведения исследований, как, например, группа историков права из Центра Шеврие Дижонского университета – наш дорогой коллега Ж. Барт, Ж.-Ж. Клер, Ф. Фортюне и другие. Перечислять можно бесконечно, однако, помимо молодых исследовательниц, уже упоминавшихся выше, особо отметим покойного Г. Р. Икни, М. Дориньи, К. Жэндэна, М. Жанти, Г. Лемаршана, Ф. Гужара, Ж. Мэнтенана, Ж.-П. Гросса, С. Бьянки, Ж. Гийому, Ж. Берне, Б. Конейна и О. Бетурне. Рядом с ними можно было увидеть известных профессоров и начинающих исследователей из других стран, приезжавших в Париж, чтобы сделать доклад, представить гипотезы, рассказать о методе, состоянии исследований. Италию представляли Х. Бурстин и П. Вьола, Россию – А. Адо, В. Смирнов, К. Ингерфлом и Т. Кондратьева, ученики Адо, Японию – Тадами Шизука, Ируаюки Ниномия и покойный Макото Такахаши, США – Д. Фригульетти, Д. Ньюман, М. Славин, Э. Женовез, Бельгию – преданный и талантливый Р. Девлшауер и его ученики, Латинскую Америку – К. Матозо, Н. Одалья, М. У. Родригес из Сан-Паоло… Очевидно, стоило бы восстановить по

[5] США – Япония – Западная Европа. *Прим. перев.*

[6] Он был профессором университета в Безансоне, а затем в Дижоне, где его избрали деканом филологического факультета.

[7] Она приезжала из Клермон-Феррана, где начала свою карьеру при поддержке Собуля.

спискам участников семинара их полный перечень. Результатом работы с 1970 по 1982 гг. стали, по оценке Ж. Годшо, подтвержденной Сюратто, 32 диссертации, в той или иной степени подготовленные в рамках этого семинара и защищенные во Франции при прямой поддержке или под руководством Собуля, в том числе 13 докторских (doctorat d`Etat).

Вторым «столпом» являлась совместная деятельность университетских и исследовательских учреждений, главной движущей пружиной которой был сам Собуль, организатор, полностью преданный своему делу, и при этом – своего рода просвещенный деспот, единолично контролирующий все рычаги. Впрочем, последнее шло только на пользу, ибо иначе в условиях того времени все погрузилось бы в хаос! Центр этой системы составляли Сорбонна, Институт истории Французской революции и, если не формально, то фактически управляемое Собулем Общество робеспьеристских исследований, где он был генеральным секретарем, а общее руководство принадлежало четверке сопредседателей, состоявшей из М. Рейнара (до его кончины), Э. Лабрусса, Ж. Годшо и самого Собуля, который был также главным редактором журнала Общества – *AHRF*. К этим институтам примыкала Комиссия по экономической и социальной истории Французской революции («Комиссия Жореса»), президентом которой после смерти в 1975 г. Ж. Кэна стал Годшо. Собуль и Лабрусс были вице-президентами. В указанный период Комиссия опубликовала 21 том (из 30, вышедших с 1947 г) и 11 сборников текстов и документов. Годшо, все более тесно сотрудничавший с Собулем, возглавлял также Международную комиссию по истории Французской революции, собиравшуюся на каждом Международном конгрессе исторических наук: в Стокгольме (1960), в Вене (1965), в Москве (1970), где Собуль, Лабрусс и Годшо встретили В. М. Далина, что положило начало проекту издания сочинений Бабефа, в Сан-Франциско (1975), в Бухаресте (1980). Научную периферию этой системы составляли ряд дружественных французских и иностранных изданий (например, в Риме – *Critica storica*, выходившая под руководством Саитты; в Москве – «Французский ежегодник»), школ и институтов (Итальянский институт по изучению истории Рисорджименто, Исследовательский центр в Лейпциге, под руководством Маркова и Коссока) и, в зависимости от смены президентов, такие крупные научные организации, как Общество новой и новейшей истории в самой Франции.

Третьей опорой этого здания была разветвленная сеть международных связей Собуля, ядро которой составляло прежнее окружение Ж. Лефевра. Это были – А. Рюфер в Берне; Дж. Рюде, преподававший в Мельбурне и Монреале (его окружали Б. Роуз, М. Лайонс, а позже П. Макфи); К. Теннессон в Осло; А. Такахаши в Токио, а также его ученики и друзья – уже названные Шибата, Шизука, Ниномийа, к которым затем присоединился

ныне покойный М. Такахаши; Р. Девлишауэр в Брюсселе, организовавший в 1968 г. прекрасную конференцию «Оккупанты и оккупированные»; К. Оберманн, а также В. Краусс, Марков, потом – Косок, затем – Шеель в ГДР; в Италии – П. Виллани, Галанте-Гарроне и Саитта, который увлек за собой профессоров и учеников Высшей нормальной школы в Пизе, где Собуль вел семинар; В. Граб в Тель-Авиве; Леснодорски и М. Сенковска в Варшаве, Х. Копленинг в Вене; в Венгрии – К. Бенда и Б. Копеши, организатор коллоквиумов в Матрафюреде и будущий министр при Кадаре; А. Г. Новалес в Мадриде; Чжан Дзи Лян в Пекине (после 1979 г.); Э. Лейт, а затем Ф. Жандрон в Канаде; в США – Х. Паркер, Р. Форстер (друг Годшо), О. Ранум (друг Р. Мунье), Фригульетти (биограф Матьеза и Олара), Э. Леон Ньюман, в 1973 г. организовавший визит Собуля в Америку, Д. Каплов, занимавшийся историей Эльбефа во время Революции и «именами короля» и, в конце концов, обосновавшийся в Париже, М. Эдельстайн из Нью-Йорка, ушедший вскоре после Собуля С. Элуитт из Рочестера, Э. Дженовезе и М. Славин, приезжавшие выступать на семинаре в Библиотеке Лависса; Х. Гуг в Дублине; в Англии – как это не покажется парадоксальным – ученики Коббена, Кобба и Д. Джонсона, например, К. Лукас, которым Собуль очень восхищался, познакомившись с ним накануне 1968 г., когда тот был в Оксфорде и куда потом вновь вернулся после 1982 г., отказавшись от места в Чикаго; ну и, конечно, в Москве – В. Далин, А. Манфред, А. Адо, можно сказать друг навеки, начиная с парижского визита 1962 г., В. Смирнов и все их ученики и друзья из Института всеобщей истории АН СССР и МГУ им. Ломоносова. Вскоре к первоначальной группе близких друзей присоединилась та, которую ранее Ж. Годшо создал вместе с Р. Палмером и его учениками в ходе начавшейся после 1955 г. полемики об «Атлантической революции». Не обошлось без новых противоречий, но Собуль, как и Годшо, прекрасно умел найти с каждым общий язык, так что объединение приняло форму обширной сети, эффективность действия и высокое качество которой обеспечили блестящий успех больших конференций, собранных Годшо и CNRS в Тулузе в 1968 г («Конец феодализма в западном мире»), в Париже в 1974 г. («Новые пути изучения истории Французской революции. К столетию Матьеза и Лефевра») и в 1975 г. («Жирондисты и монтаньяры»). Собуль руководил всем этим сообществом, бесконечно путешествуя от Монтевидео до Москвы, от Токио и Пекина до Альбукерка и Сан-Франциско, от Осло до Неаполя. Он возвращался уставшим из этих поездок, но во время них он имел честь и счастье получать звание Почетного доктора разных университетов, например, МГУ им. Ломоносова, и быть избранным в члены-корреспонденты ряда почтенных и престижных академий. Его труды, особенно «Очерк истории Французской революции» (1965) и «Парижские санкюлоты II года», были переведены на множество языков: английский, немецкий, итальянский, испанский, японский, китайский, иврит, венгерский, русский и др.

В 1977 г., по инициативе Собуля, была начата подготовительная работа, завершившаяся уже после его смерти созданием в 1983 г. национального Музея Французской революции в Визиле.

Его последнее публичное выступление, состоявшееся в Оттаве 9 июня 1982 г. по приглашению Исторического сообщества Канады, дало ему возможность пункт за пунктом ответить на критику своих оппонентов, которых там представлял У. Дойл, ученик Коббена и Фюре.

Взгляд на творчество Собуля

Огромную известность и авторитет Альберу Собулю, конечно же, принесли не столько его статус в университетском мире и не блестящие ораторские способности, сколько его исторические труды. В очень солидной и подробной «Библиографии», составленной в 1983 г. его ученицей Ф. Брюнель для переиздания «Очерка истории Французской революции», я насчитал 311 наименований, где Собуль фигурирует в качестве автора. Если не считать статей в ежедневных и еженедельных газетах, его работы можно разделить на 7 категорий: монографии (29); каталоги и критические издания текстов и документов; предисловия к коллективным трудам, вышедшим под его редакцией; переиздания трудов и публикации текстов Ж. Лефевра; статьи и очерки в научных журналах и коллективных монографиях (более 200); сборники архивных материалов; рецензии и заметки. Добавим сюда также «Исторический словарь Французской революции», вышедший в 1989 г. Собуль, задумавший этот проект в 1980 г., доверил его реализацию монреальскому историку Ф. Жандрону, а общее руководство, из-за своей усталости, – Сюратто, который и довел издание до конца с помощью М. Дориньи.

311 работ! Не стоит, однако, удивляться этой головокружительной цифре. Многие из упомянутых в библиографии наименований – это дополненные, частично переписанные, переизданные работы, сборники ранее публиковавшихся статей или статьи, вышедшие сразу в нескольких журналах. Собуль всегда без колебаний шел навстречу издателям и редакторам журналов, заинтересованных в переиздании текстов, ранее уже опубликованных. Некоторые высказывали в данной связи сожаление или упреки, а он, напротив, был убежден в необходимости повторения, называя это «забивать гвоздь»! Но даже если учесть эти повторения, уменьшающие на добрую треть число его оригинальных монографий и статей, все равно остается обширное, просто огромное творческое наследие, разнообразное по содержанию, подходам и методам, хотя тема Французской революции и занимает в нем первое место. Кроме того, это творчество, весьма разнообразное по литературному стилю, было адресовано разным категориям читателей: профессиональным исследователям, образованным интеллектуалам, студентам, учителям.

Творчество историка Собуля является предметом хвалебных и более чем восторженных суждений. Те, кто спорил с ним, отвергая его интерпретацию, никогда не могли поставить под сомнение его профессионализм и эрудицию, а потому чаще замалчивали его труды, применяя политику «гробового молчания», столь характерную для лицемерного университетского и журналистского сообщества Франции и Запада в целом! Оценки творчества Собуля, помимо пространных некрологов, появившихся в 1982 и 1983 гг. после его смерти, и статьи М. Агюллона в газете *Le Monde* за 13 сентября 1982 г., можно найти в весьма обстоятельной статье Ж. Брюа в *Revue d`histoire moderne et contemporaine* (1982, № 29, p. 673) и в работе Ж. Николя в *Cahiers d`histoire de l`Institut de recherches marxistes* (1982, № 11). Этому же посвящены специализированные номера двух журналов: *AHRF* (№ 250 за октябрь-декабрь 1982 г.), где приняли участие многие из упомянутых выше историков и, в частности, вышла последняя большая статья Э. Лабрусса, и подготовленный в 1994 г. по инициативе М. Вовеля выпуск *Bulletin d`histoire de la Revolution francaise* с материалами обобщающей конференции, состоявшейся в Клермон-Ферране в честь десятой годовщины смерти Собуля (1992), куда вошли статьи Ж. Эрара, К. Мазорика, М. Вовеля, П. Дюпюи, Д. Шафера, К. и М. Мидделов, С. Самлера, Г. Лемаршана. Я отсылаю заинтересованного читателя ко всем этим текстам, желая напоследок обратить его внимание лишь на некоторые, кажущиеся мне особенно важными черты творчества историка, чьи труды мне всегда были близки.

Оценивая важность и оригинальность научной работы Альбера Собуля, отнюдь не стоит сразу же делать акцент, в соответствии с исторической герменевтикой, на его предполагаемом «марксизме». К тому же, отдавая должное идеям Маркса, с коими он знакомился, беспорядочно читая разные тексты, но не весь «Капитал» целиком, Собуль сам задавался вопросом о реальности того «марксизма», который ему самому приписывали. Я полагаю, он был, прежде всего, убежденным приверженцем «методической истории», в духе которой был воспитан своими наставниками. «Нет истории без знаний!» – часто говорил он и требовал от своих учеников, также как это делал сам, критического описания источников, строгого разделения между историческими источниками и «трудами» с монографиями, длительных поисков в архивах, чтения сочинений современных авторов по теме исследования, внешней и внутренней критики документов, установления «фактов», преодоления «молчания источников» и логических противоречий и т.д. Именно так он и представлял себе собственно работу историка: толкование (l'herméneutique) идет «после» эвристического построения и, осмелюсь сказать, в дополнение к нему. Некоторые из его учеников и учениц находили такой подход сознательно зауженным и вызывающе архаичным, но ему не было до этого дела, и он раздраженно пре-

следовал то, что называл «пустословием» (logomachie). Воспитанный на социологии и развитый в данном отношении Лефевром, он постоянно проявлял заботу о «подсчете» (см. Конференция по социальной истории в Высшей нормальной школе, Сен-Клу в 1966 г.), то есть о выявлении статистических классов, категорий, оценке «смешанных» групп, точно так же, как это делал Лабрусс, или «разрывов» в однородных системах и подсистемах, но не статично, а учитывая динамику предполагаемых трансформаций при изменении соотношений сил, взаимодействие репрезентаций, действия тех, кто привносит новшества и инициирует изменение норм, то есть – «протагонистов», как назвал их один из его учеников, итальянский историк Бурстин. Демонстративный материализм Собуля не был редукционистским. Для него «класс» существовал не сам по себе, но в системе, образованной его внешними отношениями и интеграцией его образа и самосознания в коллективные структуры, данные о которых можно объективно установить. Вот почему его большая диссертация о парижских санкюлотах II года, настоящая «ретроспективная социология», как о ней говорили, ни коим образом не сводится к вульгарному марксизму, согласно которому, так называемая «надстройка», включающая в себя представления, идеологию и политическое сознание, является лишь отражением «базиса», коему принадлежит определяющая роль. Однако Собуль, внимательно читавший Альтюссера, не мог не знать о важном значении «сверхдетерминированности», которая создается бессознательным (его жена, не забудем, была психиатром и психоаналитиком!), явлениями большой длительности, нашедшими отражение в «синкретичных» формах ментальности и верований, особенно религиозных, долгосрочными тенденциями развития глубинных экономических, структурных и конъюнктурных процессов. Не будучи теоретиком диалектики, он на практике демонстрировал искусство тонкого анализа, особенно когда проблематика его исследования относилась к политической сфере. В его основных и наиболее важных трудах – «Очерке», «Санкюлотах», «Процессе Людовика XVI», учебниках «Директория», «Консулат», «Первая республика», сборниках работ о социальных конфликтах периода Революции – наглядно проявилась способность увидеть общее в различном, но при этом он не пытался облегчить себе задачу, повторяя за другими общие места или избитые умозаключения.

Великий историк политических конфликтов и борьбы в 1776–1848 гг. и, особенно, в 1792–1795 гг., Собуль скрупулезно исследовал государственные институты, детально анализировал конституции и другие подобные им тексты, внимательно изучал способы политической деятельности и применения власти. Далекий от поверхностной «историзирующей истории», которой занимались многие специалисты, он, однако, по примеру Жореса, чью «Социалистическую историю» переиздал со своими комментариями,

Матьеза с его «Дороговизной» и «Этюдами о Робеспьере» и, наконец, Лефевра, изучал социальный, ментальный, идеологический, поведенческий и даже лингвистический фон деятельности отдельных лиц и групп на преобразуемом пространстве политического поля. Прав был Э. Лабрусс, когда в своем мемориальном выступлении в ноябре 1982 г. говорил во множественном числе о «социальных историях Альбера Собуля», в коих, по его мнению, уже просматриваются первые элементы «исторической этнологии», ставшей стержнем всех тех изменений, которые связывают, возможно неправомерно, с направлением, претендующим называться «новой исторической наукой».

Исследовательские интересы Собуля не ограничивались социологией городских «низов» эпохи ремесленного и мануфактурного капитализма. С самого начала, под прямым влиянием Лефевра и в продолжение своей исследовательской работы для Музея народных искусств и традиций, он интересовался аграрной историей, особенно готовя свою «дополнительную» диссертацию о деревнях региона Монпелье на основе изучения кадастров. Затем в новых идеологических условиях, созданных революциями в странах третьего мира и поиском альтернативных путей по отношению к революции ленинского типа, он приложил немало усилий для изучения сельского общества, технологии и орудий аграрного труда, образа жизни, налогообложения (вместе с поляком В. Кулой), собственности и эксплуатации, воображаемого мира деревенских жителей. Отсюда исключительная для того времени насыщенность материалом его тома «Цивилизация и Французская революция» (вышел в 1970, а затем в 1982 и 1983 гг.). Принимая выводы А. Адо, чьи труды он во многом и открыл для Запада, и разделяя фундаментальные положения Э. П. Томсона о «модели нравственной экономики», Собуль поддержал исследования своих учеников и друзей (прежде всего, Г. Икни, Ф. Готье, но также К. Жэндэна), изучавших «крестьянский путь» во Французской революции. Эти работы привели к переносу центра тяжести дискуссии с вопроса о роли народных масс в социальных преобразованиях, осуществленных Революцией и определивших последующую историю французской нации, на проблематику компаративных исследований «переходных» периодов в Европе и мире в целом. В результате, Собуль, всегда отстаивавший представление о Французской революции как «классической модели» революций, называвшихся, в соответствии с извлеченным из учения Маркса каноном, «буржуазными», изменил свой подход к данной проблеме. С 1972 г. он стал склоняться к точке зрения об исключительности Французской революции по сравнению с другими «путями перехода», обеспечившими превращение обществ старого типа, где господствовал «феодализм» (как его понимал Г. Лемаршан), в общества либеральные, буржуазные и капиталистические. Он поддерживал исследования и публикации по этой тематике, позволяющие оценить и

сравнить человеческие издержки при различных путях перехода, изучаемых в их историческом контексте. Замечу, что уже после его смерти данная проблема вновь активно обсуждалась накануне 200-летия Революции, особенно в работах итальянского философа Д. Лозурдо. В своих размышлениях Собуль даже предположил, что была возможна эгалитарная модель переходного периода, не связанная с разрушением традиционных ценностей товарно-денежными отношениями, при помощи которого капитализм установил свою историческую гегемонию. Достаточно сказать, что *утопия* – будь то утопия кюре Мелье или «красных кюре», изучаемых С. Бьянки, просветительская или та, что вдохновляла Бабефа – не была чужда ни исследовательским интересам Собуля, ни, по его мнению, – реальной истории, но порождалась ею и в чем-то ее объясняла.

Историк масс и больших социальных групп, Собуль создал также и незабываемые портреты выдающихся исторических личностей. Эти собранные после его смерти под одной обложкой «Портреты революционеров», где соседствуют Клоотс и Марат, Сен-Жюст и Манон Ролан, Бабеф и мадам Тальен, перекликаются с теми описаниями отдельных парижских санкюлотов, одновременно и теплыми, и отстраненными, которые он составлял вместе с Р. Моннье. О, нет, Собуль отнюдь не игнорировал роль личности в истории и, в частности, доказал это статьей о Наполеоне Бонапарте, которую постоянно упоминают или цитируют и которая вдохновила одного из его учеников и друзей А. Казанову на недавно вышедшую книгу.

Мне хорошо известны то, какие претензии, с точки зрения сегодняшнего дня, можно было бы предъявить к его исследовательскому подходу. Социология Собуля довольно проста, она не принимала во внимание существование иерархических сетей власти и господства внутри изучавшихся им групп, также как и стратегию их воспроизводства. Особенно это касается порядка символогии (symbologique): достижения Бурдье и итальянской микроистории имели место уже после Собуля! Тщательно изучая историю ремесел и труда без учета их идеологической составляющей, он обходил вниманием проблемы культуры труда, приспособляемости, сочетания технических и физиологических изменений, претерпеваемых человеком при выполнении предписанной ему работы, особенно, в рамках старой экономики, где выполнение производственных обязанностей составляло часть процесса культурной социализации. Основные работы У. Сиуэла, И. Шварца, С. Л. Каплана, Ф. Минара также вышли уже после его смерти! В своих этносоциологических исследованиях он отводил содержанию идей, идеологии больше места, чем серийному изучению предметов, высказываний, образов, хотя и высоко ценил работу в этой области М. Агюлона. Современник начала «лингвистического поворота», затем – появления «культуральной истории», одним из подлинных предвестников

которых он был, что убедительно подтверждается деятельностью его семинара, он не смог стать ни их первопроходцем, ни даже сторонником. Близкий друг Ж. Бувье, затем – Ж. К. Перро и одно время – Ж. Дюпакье, он высоко ценил экономическую историю и историческую демографию (см. конференцию «Новые пути…» в Париже 1974 г.), но не почувствовал вкуса к «новой экономической истории». Может быть потому, что не мог по примеру своих скорее старших коллег, нежели современников, Э. Лабрусса и П. Вилара, представить себе, что можно изучать экономические циклы и целостные системы вне поля социальной истории.

Теоретик и практик изучения истории Французской революции и революций XIX в., Альбер Собуль был человеком своего времени – того времени и мира, которые в их геополитическом измерении мы уже безвозвратно утратили. Но он разрабатывал свою проблематику талантливо и глубоко, не как идеолог – это те, кто на него нападал, вели себя, в действительности, как идеологи, обычно веря в «естественный» характер своих социальных убеждений и предрассудков – но как исследователь и квалифицированный ученый, не сомневавшийся в социальной пользе интеллектуальных усилий по накоплению знания.

Июль 1982 г. когда Альбер Собуль вернулся усталым с конференции в Канаде, где проявил свой боевой дух, перед ним встали три неприятные проблемы. Во-первых, – проблема здоровья. Несмотря на несколько инфарктов, он никогда не следовал предписаниям врачей, которых часто менял. Он отвергал всякие ограничения в жизни, к коим его обязывали, и считал их невыносимыми. Во-вторых, – нравственная проблема. Он не мог смириться с уходом на пенсию и прекращением существования своего семинара, хотя тот стал уже не столь посещаемым, как раньше. Собуль добивался продления для себя права работать еще в течение двух лет, поскольку был лишен его правительством Виши в 1942–1944 гг. И, наконец, в-третьих, проблема профессиональная. Он хотел переписать «Очерк истории Французской революции» для полного переиздания, но уже не чувствовал в себе сил для этого. Мы с Г. Лемаршаном посетили его в этой связи 20 и 21 июля на Юге Франции, проведя два длинных дня за работой и уточнением деталей.

28 июля из Нима он мне написал «*Спасибо мой дорогой Клод за то, что ты занялся всем этим. Счастливого пути* (мы отправлялись в отпуск). *Прекрасного лета. Любви. Я крепко обнимаю вас, Симону и тебя. Мариус»*. Обращаясь к друзьям, он всегда подписывался «Мариус», и мы тоже его так звали…

Чуть позже он уехал с Мари-Элен в Грецию, страну, которую любил больше всего на свете, в путешествие, оказавшееся последним. Я его больше не видел. Вернувшись из поездки, он был госпитализирован, а, когда его перевозили домой в Ним, умер. Это произошло 11 сентября.

Его семья, близкие, друзья – Сюратто и я – организовали похороны. Коллеги, ученики, Сорбонна (президент университета Париж-1 и множество сослуживцев), товарищи по партии (от имени Политбюро ФКП присутствовали генеральный секретарь Ж. Марше и депутат г. Эрмье), огромная толпа отдали 15 сентября 1982 г. последний долг его памяти на кладбище Пер-Лашез в Париже, где он был похоронен вблизи Стены Коммунаров, в так называемом «квадрате революционеров».

Так ушел из нашей жизни, но не из памяти, человек, историк, ученый, оставивший след в истории своего времени и своей страны. Человек теплый и светлый. Страстный человек.

Нанси, 20 марта 2002 г.

N.B. Все приведенные в этой статье сведения, за исключением тех, источник коих указан в тексте, взяты из моих личных писем, заметок, бумаг, копий документов, некогда предоставленных мне Ирэн и Люси Собуль или переданных Д. Фригульетти из университета Билингса (Монтана), из двух интервью Альбера Собуля с Р. Юаром, М. и М.-Ж. Нодэн, которые были взяты у него в Ниме 4 марта и 5 августа 1981 г. (первое вышло в *Cahiers d`histoire* № 21 за 1985 г., второе – не публиковалось), из воспоминаний и свидетельств, которые я собрал за двадцать лет и здесь использую, гарантируя, насколько это возможно, их достоверность. А. Гайару, бывшему муниципальному советнику Нима, Президенту Ассоциации друзей Альбера Собуля, который так много сделал для прославления памяти своего двоюродного брата среди его земляков, я выражаю признательность за то, что он уделял мне так много времени в период подготовки мемориальных чтений 1992 г. «Альбер Собуль, историк Французской революции». Я благодарю М. Дориньи и Р. Юару, прочитавшим и подтвердившим, по мере возможности, информацию, изложенную в этом наброске интеллектуальной и политической биографии.